

ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНОМ ОТРАЖЕНИИ РЕАЛЬНОСТИ

ФЕЛИКС КАРАПЕТАН

В марксистской философии проблема эмоций является одной из существенных сторон проблемы человека. Тезис об отражательной природе эмоций в категориальном значении этого утверждения сформировался около ста лет назад и в своей общей форме вряд ли у кого из марксистов-философов встретит возражения. Еще Ф. Энгельс отмечал, что «воздействия внешнего мира на человека запечатлеваются в его голове, отражаются в ней в виде чувств, мыслей, побуждений, проявлений воли»¹, заложив тем самым основы марксистской философской традиции рассмотрения эмоций и чувств в аспекте теории отражения. И у В. И. Ленина имеются прямые высказывания, подчеркивающие внешне-социальную детерминацию эмоций, их отражательную природу².

В марксистской философии мысль об отражательной сущности эмоций первоначально выводится преимущественно дедуктивно. Большой посылкой в этой дедукции служат основополагающие положения марксизма об отражении материи в сознании, в психике человека, об определении общественного сознания общественным бытием. Малая посылка этого умозаключения—аксиоматическое утверждение об эмоциях как о необходимых и существенных элементах психики. В марксистско-ленинской философии можно выделить, кроме отмеченных, и ряд других положений, в совокупности вызывающих достаточную «дедуктивную потребность», для удовлетворения которой необходимо специальное рассмотрение эмоций в системе понятий теории отражения. К подобного рода положениям можно отнести и следующие: искусство есть форма общественного сознания, специфически отражающая общественное бытие; моральное сознание (в том числе и моральные чувства)—отражение социального бытия человека и т. д. С другой стороны, теоретико-отражательная трактовка эмоций диктуется и внешними для философии обстоятельствами. Поистине огромное значение эмоций для повседневной жизни, научной и художественной творческой деятельности людей, вместе с тем и безразличное значение отрицательных эмоций соответствующим образом актуализируют проблему эмоций. В результате проблема эмоций становится междисциплинарной. В настоящее время проблема эмоций разрабатывается в аспектах психологии, нейрофизиологии, социальной психологии, психофизиологии, нейрокибернетики и биологии. Сужение и обособление все дифференцирующихся научных интерпретаций часто приводит к потере целостной научной картины эмоций, вследствие чего частнонаучное исследование неизбежно ориентируется на выявление интегрирующих принципов. Следовательно, философское изучение эмоций может реализоваться как путем обобщения накопленного многопрофильного частно-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 21, с. 290.

² В. И. Ленин, ПСС, т. 1, с. 423.

научного материала, так и путем логического анализа и философской рефлексии, выявляющих и эксплицитно выражающих «скрытые» знания в системе самой марксистской философии.

Проблема эмоций затрагивает и существенные вопросы из области теории ценностей, эстетики, атеизма. Рассмотрение эмоций в аспекте теории отражения имеет предельно-общее методологическое значение как для разных частнонаучных, так и для других вышеуказанных философских подходов, что обусловлено особым местом и ролью понятия отражения в системе понятий марксистско-ленинской философии. Однако, как и во времена Маркса, ученые сплошь и рядом строят сначала верхние этажи, а потом закладывают фундамент здания науки, т. е. строгая логическая последовательность и субординация в философском осмыслении человеческих эмоций не выдерживается. В частности, нельзя ожидать плодотворных результатов от теоретического анализа эмоций в аспекте этики или аксиологии, если такой анализ не исходит из предварительного уточнения отражательных характеристик эмоций.

Из отечественных авторов вопросом изучения эмоций в аспекте теории отражения занимались Л. П. Лебедев, Г. Х. Шингаров, К. К. Платонов, И. Х. Раппопорт и др. Однако задача всесторонней теоретико-отражательной характеристики эмоций в их исследованиях решается далеко не исчерпывающим образом. Поскольку слова «эмоция» и «отражения» не имеют достаточно однозначной интерпретации среди философов и ученых, следует их ввести. В физиологической, психологической и др. частнонаучной литературе, а также во вненаучных формах сознания (искусство, мораль) встречается целый ряд обозначений, относящихся к интересующей нас области: чувство, эмоция, переживание, аффект, страсть, настроение. На первый взгляд это может быть оценено как показатель полного благополучия состояния научной изученности, поскольку одним из критериев последней является наличие достаточно дифференцированных, однозначно определяемых терминов, относящихся к области изучения. Однако при внимательном анализе выясняется, что, например, среди ведущих психологов весьма дискуссионен вопрос о различиях между значениями слов «эмоция», «чувство» и «переживание». Не вступая в дискуссию по этой специальной проблеме, можно для целей философского исследования абстрагироваться от специфических различий между этими значениями. Можно *ражения*—мы исходим из допущения, что многосторонним его определенной сфере психики—*эмоциональной*. Вследствие такой абстракции образуется концептуальный инвариант, довольно удачно (для целей философского рассмотрения) репрезентирующий однопорядковость множества психологических явлений.

Относительно второго основного понятия нашего обсуждения—*отражения* мы исходим из допущения, что многосторонним его определением может служить лишь такая дефиниция, которая фиксирует необходимые логические связи отражения с взаимодействием, причинностью, с понятиями внешнего и внутреннего. *Процесс отражения*—это процесс интерпоризации структуры внешних (по отношению к отражающему) воздействий, процесс конкретного структурного отождествления взаимодействующих объектов. Этот перенос структуры, характерный для процессов отражения, выступает как один из существенных моментов генетической связи взаимодействующих объектов, постольку и как момент, сторона процесса причинения вообще.

Исходя из изложенного, отражение можно определить как тип изменения всякого объекта, имеющий внешнюю детерминацию и пред-

ставлющий собой процесс структурного воспроизведения и реакции на внешнее воздействие в специфической для данного объекта форме движения. Из сформулированного определения отражения явствует, что соответственно с качественным своеобразием причинения на разных структурных уровнях материи существенно изменяется и природа отражения. В частности, своеобразие эмоционального отражения действительности может находить свое объяснение в специфике причинно-следственных отношений в живых сложных самоорганизующихся системах. Имплицитное присутствие субъекта в вышеприведенном определении есть признак его «философичности», т. е. отражение рассматривается как предельное основание сознания человека.

В павловской физиологической школе проблема эмоций долгое время не была включена в список узловых проблем. Необходимость такого включения была осознана лишь после того, как в отчетливых физиологических понятиях было осмыслено то рациональное новое, что внесла физиологическая школа И. П. Павлова в учение о высшей нервной деятельности. Мы имеем в виду, в частности, исследования акад. П. К. Анохина, развившего идею Павлова о подкреплении, как о важнейшей стороне всякой жизнедеятельности, тем самым обобщившего т. н. классическую рефлекторную теорию. Логико-исторический анализ становления основных идей Анохина показывает, что включение понятия эмоций в систему понятий физиологии высшей нервной деятельности стало возможным по мере того, как традиционное трехчленное строение рефлекса («дуга» рефлекса) было заменено кольцевой структурой. Понятием обратной афферентации, являющимся предвосхищением понятия обратной связи в кибернетике, Анохин конкретизировал павловскую идею подкрепления в рефлекторной деятельности. Под обратной афферентацией понимается афферентация, информирующая центральную нервную систему о результатах совершенного действия, что дает возможность высшим регулирующим центрам оценить степень успеха выполняемого организмом действия. Акцептор действия—система критериев, на основании чего производится оценка удовлетворительности или неудовлетворительности обратной афферентации исходным побудителем поведения³. По сути дела, акцептор действия—это важнейшее звено опережающего отражения действительности, нервопсихическая модель ожидаемых результатов действий организма. Оба понятия—обратная афферентация и акцептор действия—носят существенную логическую нагрузку в теории функциональной системы, выдвинутой Анохиным как теория интегративной организации всякой физиологической активности. Трудности создания такой теории интеграции и побудили его обратиться к осмыслению физиологической природы эмоций.

Исходя из роли и значения эмоциональных процессов в структуре функциональной системы, Анохин выдвинул биологическую теорию эмоций, в которой раскрывается необходимость эволюционного возникновения и прогрессивного развития эмоций животных и человека⁴. Качество эмоций, согласно биологической теории, определяется двумя детерминантами—акцепторами действия и обратной афферентацией, а количественная характеристика (интенсивность) эмоции—степенью соответствия (несоответствия) между теми же детерминантами. Полярно противоположные качества эмоций имеются при предельных зна-

³ П. К. Анохин, Особенности афферентного аппарата условного рефлекса и их значение для психологии («Вопросы психологии», 1965, № 6).

⁴ П. К. Анохин, Узловые вопросы в изучении высшей нервной деятельности («Проблемы высшей нервной деятельности», М., 1949, с. 9—128).

чениях этих двух переменных, а промежуточные качества эмоций заполняют интервал между крайними качествами эмоций.

Применение теоретико-информационных и вероятностных методов для объяснения целостного поведения позволило П. В. Симонову выдвинуть третий «координат» эмоций—зависимость эмоций от количества информации, прагматически необходимой для осуществления данной деятельности⁵.

Несмотря на отдельные несовпадения, даже оппозиции, биологическая и информационная теория эмоций имеют ту принципиальную общность, что предусматривает в структуре рефлекса наличие аппарата вероятностного прогнозирования и объясняет возникновение эмоций как следствие сличения поступающей в мозг информации с хранящимися в ней предуготовленными ожиданиями.

Опираясь на вышеприведенный теоретический и экспериментальный материал, следует выделить некоторые теоретико-отражательные характеристики эмоций.

Предмет отражения эмоций, как и для всякой другой формы отражения, является самой основной, так называемой конструирующей характеристикой эмоций, во многом определяющей другие их отражательные характеристики.

В свете изложенного естественнонаучного материала логически следует, что объективное основание, предмет отражения эмоций не «потребность» и цели организма⁶, а *явления и вещи действительности, дающие начало обратной афферентации*. Известно далее, что специфическим критерием различения обратной афферентации от других типов афферентации, по классификации Анохина, выступает то, что для восприятия первых в центральной нервной системе заранее подготовлен аппарат акцептора действия. А поскольку аппарат акцептора действия образуется от прошлых внешних воздействий, реакции на которых жизненно необходимы для животного и человека, постольку и обратная афферентация может начинаться от предметов и ситуаций, несомненно образом отнесенных целям саморегуляции организма. Нетрудно в последнем усмотреть определения биологической значимости раздражителя, или, для человека, ценности. Такое совпадение определений биологической значимости раздражителя, ценности, с одной стороны, и объективной основы обратной афферентации—с другой, дает основание утверждать, что *предмет отражения в эмоциях—биологическая значимость раздражителя, или ценность (для человеческих эмоций)*. На вопрос, являются ли биологическая значимость или ценность объективными характеристиками предметов окружающего человека или животного мира, как нам кажется, пока нет однозначного ответа. И. С. Нарский предлагает использовать концепцию диспозиционных предикатов Р. Карнапа для интерпретации особенностей «онтологического статуса» ценности, значения знака, вторичных качеств, разумеется, с критическим отсечением феноменализма и субъективного идеализма, свойственных как Карнапу, так и многим сторонникам этой концепции за рубежом⁷. Мы находим эту попытку плодотворной, имеющей особую значимость для диалектико-материалистического определения объектов «эмоциогенных» свойств предметов. Сущность диспозиционной интерпретации последних состоит в том, что биозначимость или ценность при таком подходе понимаются как характеристики предме-

⁵ П. В. Симонов, Теория отражения и психофизиология эмоций. М., 1971.

⁶ В. С. Тютюн, Теория отражения в свете современной науки, М., 1970.

⁷ «Проблемы логики и теории познания», М., 1963, с. 26.

та, проявляющиеся и актуально существующие только при взаимодействии значимого и ценного предмета с животным или человеком, в отличие от т. н. экзистенциальных свойств этих же предметов, обусловленных взаимодействием между составляющими данный предмет элементами. В рамках системно-структурного подхода, следовательно, свойства предметов и ситуаций, вызывающих эмоциональные реакции у человека и животного, можно обозначить как предрасположения, диспозиции данного предмета или ситуации, при определенных взаимодействиях порождающие некоторым образом соответствующие им эмоции.

Понимание предмета отражения эмоций как существующего диспозиционно-объективно подтверждается и семиотическим анализом. В самом деле, значение знака реализуется лишь в знаковой ситуации, необходимо включающей интерпретатора. Стало быть, свое актуальное существование значение знака получает лишь в процессах интерпретации, до этого существуя потенциально, диспозиционно. Так как в роли интерпретатора могут выступать лишь естественные и искусственные самоуправляемые системы, то прагматическое значение знака можно определить совокупностью вызванных знаком изменений в процессах самоуправления интерпретатора. Бесспорное признание исследователями существенной роли эмоциональных явлений для процессов саморегуляции в высокоорганизованных живых системах тем самым есть подтверждение мысли о существенности эмоциональной формы отражения прагматической значимости знака. На этом основании можно предположить, что кроме известного критерия ценности информации как меры приращения вероятности достижения цели⁸ для систем самоуправления высших животных и человека критерием ценности информации могут служить и качественные и количественные определения эмоций, возникших при восприятии, переработке и передаче информации.

Человеческие эмоции, являясь специфической формой отражения общественной значимости, ценности предметов и явлений действительности, составляют условие реализации ценностной (аксиологической) функции гносеологического образа. Вместе с тем эмоции естественные интерпретаторы прагматической ценности познавательного образа. Аксиологические понятия и эмоции возникают как продукты оценки внешних и внутренних воздействий на основе функциональных инвариантов живых самоуправляемых систем. *Операция оценки, лежащая в основе возникновения всякой эмоции, носит вероятностный и опережающий ход развития процессов внешней и внутренней среды характер.* Моменты оценочности, вероятности, опереженности (предвосхищений) в эмоциональном отражении взаимообусловлены, а все они в конечном счете определены особенностями предмета отражения эмоций.

Вследствие своей двойной зависимости эмоции разнообразятся не соответственно качественному разнообразию внешней действительности, а соответственно включению последних в качественно различные сферы деятельности (поведения) человека и животных. Поэтому животное может находиться в эмоциональных состояниях, разнообразие которых лимитировано видом данного животного, а человек по мере освоения качественно новых типов предметной деятельности приобретает все новые и новые переживания. Самое свежее доказательство

⁸ А. А. Харкевич, О ценности информации («Проблемы кибернетики», М., 1960, с. 53—54).

этого—возникновение «странных», пока «неописуемых» переживаний у космонавтов во время космических полетов.

Сложный механизм возникновения эмоций, выступающих как психофизиологические корреляты на «перекрестке» соотношения внешних воздействий с внутренними определениями организма, служил поводом для их характеристики как *косвенных форм отражения действительности*⁹. Следует согласиться с тем, что эмоции не однопорядковые формы отражения в ряду других познавательных форм. В отличие от последних, отличающихся между собой по уровню абстрагирования, как разные стадии развития гносеологического образа, эмоции содержательно опосредованы как познавательными образами, так и потребностями и целями высокоорганизованных животных и человека. Однако мы не разделяем точку зрения, согласно которой эмоции косвенно отражают внешний по отношению к организму мир, а внутрителесные изменения отражаются в эмоциях прямо и непосредственно. Бесспорный факт тесной связи эмоций с интродуцированными рецепциями еще не довод в пользу того, что эта область афферентации обеспечивает прямое отражение внутренней среды организма в эмоциях: на пути этих афферентаций на разных уровнях центральной нервной системы их «ожидает» все тот же заранее подготовленный аппарат оценки их биологической значимости, как и для экстерорецептивных афферентаций. Следовательно, *характеристика эмоций как косвенных форм отражения действительности означает именно их содержательную опосредованность соматонервным аппаратом (познавательным образом) оценки афферентных воздействий*.

Для теоретико-отражательной интерпретации эмоций принципиальное значение имеет выяснение типа соответствия между оригиналом—отражаемым (биозначимость, ценность) и отражением (эмоция). Для выяснения этого вопроса важное значение имели нейрофизиологические исследования Г. А. Варданяна и Д. А. Бирюкова, показавшие существенное значение тонических афферентаций в организации и регуляции экологически адекватного поведения животного¹⁰. Тоническая «сонастройка» высших интегрирующих механизмов, осуществляемая преимущественно посредством эмоциональных механизмов, подготавливает и реализует поведение животного, имеющее определенное качество (модальность) и направление. Следовательно, критерии адекватности эмоций внешним воздействиям можно выяснить не в одном, отдельно взятом фрагменте поведения, а в целостном, имеющем жизненно важное значение для животного и человека поведении.

Специфически проявляется и *предметность* в эмоциональном отражении. Предметность психического отражения, как известно, состоит в том, что субъект психического отражения воспроизводит и переживает не внутренние состояния собственных нервных механизмов отражения, а сам внешний предмет. В отличие от рациональных форм отражения всякий предмет может получить эмоциональное отражение лишь тогда, когда вследствие многочисленных «жизненных встреч» оно интериоризовано организмом. Следовательно, предметность эмоционального отражения обусловлена познавательными образами. Когда в целях выяснения вопросов о предметности эмоций мысленно препарируют целостное психическое образование на рациональные и эмоциональные составляющие, то легко можно прийти к заключению, как

⁹ В. С. Тютин, Теория отражения в свете современной науки, с. 12.

¹⁰ «Системная организация физиологических функций», М., 1970. с. 279.

это имеет место у Канта и Гегеля, что эмоция—беспредметная аффективность. На самом деле оценочное познавательное отражение составляет ядро содержания эмоциональных форм отражений действительности, вследствие чего предметность эмоций имеет сложноопосредованную природу.

Глубокая диалектическая противоречивость человеческой психики, в высших своих проявлениях внутренне раздвоившаяся на сознание внешнего (иного) и самосознание, в эмоциях проявляется в специфической форме.

Одно из важнейших положений современной рефлекторной теории, являющееся следствием физиологического осмысления роли и значения обратных связей в жизнедеятельности высших животных и человека, состоит в понимании поведения не как отрицательного функционирования «по поводу» внешних раздражителей, а как активной, избирательно-целенаправленной деятельности, включающей в качестве внутреннего мотива внешние и внутренние раздражители. Этот процесс «овнутривания», освоения внешних воздействий, придающий относительную самостоятельность живым организмам, во многом определяется эмоциями. В эмоциях фактор среды выступает одновременно в качестве как внешнего (но не постороннего) по отношению к организму, так и существенного момента самоопределения организма. А, как глубокомысленно замечает Гегель, «внутреннее, подлинное самодвижение, импульс вообще... состоит не в чем ином, как в одном и том же отношении существует и нечто в самом себе и его отсутствие, отрицательное его самого»¹¹.

В жизнедеятельности высших животных и человека проявляются все эволюционные формы отражения. Целостность и системность этим разнообразным формам отражения придает потребность живых систем в саморегуляции отправления организма и ориентации в биологической или социально значимой ситуации. Неодинаковая значимость разных форм отражений для существования и развития живых организмов обуславливает организацию всех форм отражений по принципам субординации и координации. Исходя из того, что возникновение и развитие нервной системы можно интерпретировать как субстанциональное выделение и развитие специализированной в функциях отражения ткани, высшие формы нервной деятельности можно рассмотреть как высшую отражательную систему, выполняющую функцию в регуляции поведения живых организмов. Выделение познавательных явлений от целостной психической деятельности есть исходная абстракция теории познания, вследствие чего эмоции оказываются вне структуры познавательной деятельности. *С введением понятия высшей отражательной системы* человека сама познавательная деятельность выступает как элемент, подсистема. Другим элементом высшей отражательной системы человека является эмоциональное отражение действительности. А структура высшей отражательной системы высших животных и человека, как и структура всякого другого системного объекта, определяется закономерностями взаимодействия элементов системы. Это весьма интересная и малоисследованная в философском аспекте проблема, которая, однако, выходит за рамки данного сообщения.

¹¹ Г. Гегель, Соч., т. 5, М., 1937, с. 521.

ԻՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀՈՒՋԱԿԱՆ ԱՐՏԱՑՈՒՄԱՆ ՄԱՍԻՆ

ՖԵԼԻՔՍ ԿԱՐԱՊԵՏՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Հուլիսի արտացոլիչ բնույթի բացահայտման համար առանձնահատուկ նշանակություն ունի բարձրագույն նյարդային գործունեության մասին արդի տեսությունը, հատկապես բարձրակարգ կենդանիների ռեֆլեկտոր գործունեության մասին Պ. Կ. Անդրսինի կոնցեպցիան: Տրամաբանական-իմացաբանական վերլուծության ենթարկելով բազմազան նեյրոֆիզիոլոգիական և հոգեֆիզիոլոգիական տվյալները, կարելի է տալ հուլիսի հետևյալ բնութագրերը. ա) հուլիսի արտացոլման առարկան գրգռիչի կենսաբանական նշանակությունն է (բարձրակարգ կենդանիների համար) կամ առարկայի, իրադրության արժույթը (մարդու համար), բ) հուլիսը իրականությունն արտացոլում են անուղղակիորեն՝ իրենց բովանդակությամբ միջնորդավորվելով իրականության կոնգնիտիվ (ոացիոնալ) արտացոլման ձևերով, գ) հուլիսի և դրանց արտացոլման առարկայի միջև համապատասխանությունը (ադեկվատությունը) իրականանում է հուլիսի ամբողջական վարքային գործունեության և հուլիսի ազդակի փոխհարաբերության մեջ, դ) հուլիսի արտացոլման առարկայականությունը ունի այն յուրահատկությունը, որ հուլիսի գործունեությունը վերապրվում է միաժամանակ թե՛ որպես արտաքին որոշակիություն օրգանիզմի համար և թե՛ որպես վերջինիս ինքնորոշման էական կողմ: